

Константин Михайлович Станюкович

Червонный валет

OCR & SpellCheck: Zmiy

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159201

Станюкович К.М. Собр.соч. в 10 томах. Том 1.: Правда; М.; 1977

Аннотация

Рассказ, по словам Станюковича, был написан по “горячим следам” уголовного процесса над “Червонными валетами” – молодыми авантюристами из привилегированных слоев общества.

Содержание

I	4
II	9
III	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Константин Михайлович Станюкович Червонный валет

I

Жорж рос здоровым, краснощеким мальчуганом, с прелестными белокуроыми локонами и большими томными, черными глазами. Знакомые дамы находили Жоржа прелестным ребенком; часто щекотали маленькими пальцами его подбородок и звонко чмокали в его сочные, румяные губы, вызывая краску удовольствия и стыда на мягкие, круглые щеки тринадцатилетнего мальчика. Адъютанты и подчиненные его отца носили Жоржу конфеты и сладкие пирожки и нередко называли Жоржа при родителях умным мальчиком, так что Жорж очень рано привык считать себя прелестным и умным существом.

Мальчика одевали роскошно, хотя, случалось, забывали подолгу менять белье, кормили на убой, часто меняли гувернанток и нянек и затем не обращали на него никакого внимания. Да и некому было. Отец Жоржа, высокий, старый, суровый генерал достопамятной крымской эпохи¹, снимавший

¹ ...генерал достопамятной крымской эпохи... – Имеется в виду Крымская

казенной меркой ширину солдатских подметок, – по утрам бывал занят службой, вечера проводил за картами и особенной нежностью к детям не отличался. Официальное: “доброе утра, папенька”, с поцелуем руки утром, и такое же приветствие вечером – вот и все первоначальные сношения ребенка с отцом. К тому же ребенок боялся отца. Его суровый вид, его седые, торчащие тараканьи усы, мутный взгляд оловянных глаз, вспыльчивые окрики: “я тебя!” наводили на мальчика такой трепет, особенно в первые годы его детства, что после каждого прихода в темный, мрачный кабинет с пожеланиями доброго утра и доброго вечера мальчику переменили панталончики². Так страшна казалась ему высокая, сухая фигура генерала, заставлявшая трепетать не только ребенка, но и всех взрослых в этом доме. Впрочем, этот трепет понемногу проходил. Мальчик хотя и боялся, но менее трепетал отца, умея найти в нем слабые стороны, которые и эксплуатировал довольно ловко для ребенка своих лет.

Мать, полная, добродушная женщина лет за сорок, любила без памяти Жоржа, этого Вениамина семейства³, с рождением которого отношения супругов приняли совершенно иной характер. После родов Жоржа генерал нашел, что же-

война 1853-1856 гг.

² ...после каждого прихода в темный, мрачный кабинет с пожеланиями доброго утра и доброго вечера мальчику переменили панталончики. – Подобная ситуация описана в VII главе рассказа “Грозный адмирал” (том 3 наст. издания).

³ ...этого Вениамина семейства... – т.е. младшего и любимейшего сына. Вениамин – младший и самый любимый сын библейского патриарха Иакова.

на не в меру полна, дрябла и стара, и прекратил посещения ее половины. Генеральша обезумела и стала чаще страдать приливами крови и необузданными припадками ревности. Первое время она с пеной у рта, в одной юбке врывалась в кабинет мужа и требовала объяснений. Тогда происходили ужасные сцены. Сперва муж сдерживал себя, молча выслушивая бестолковый лексикон ругательств, но, когда бешеная женщина теряла всякую меру, седые усы шевелились как-то скоро и страшно, лицо бледнело, скулы быстро двигались, и он глухо произносил: “уйди!” Она, разумеется, в ответ посылала проклятия, а он бешено заносил руку...

Из кабинета раздавались отчаянные истерические рыдания; мать металась по полу и наконец замирала в обмороке. Маленький Жорж не раз подглядывал эти сцены и жалел мать.

После таких сцен генеральша, казалось, еще более привязывалась к своему последышу. Засовывая ему в рот сласти и обливаясь градом слез, она невольно изливала свои жалобы на отца перед сыном и как-то невзначай, сама не понимая, что делает, посвящала его в свои тайны. Мать баловала сына, потакала капризам, рядила в дорогие курточки, мотала вместе с ним деньги на сласти, иногда возилась с ним подолгу, забавлялась, как дитя игрушкой, иногда забывала, что не видала его по целым дням. Она выезжала, принимала гостей, читала французские романы и с каким-то наслаждением поруганного женского самолюбия занималась на-

блюдениями за любовными интригами мужа. И в этом занятии Жорж мало-помалу сделался ее хорошим помощником. Сперва мать под благовидными предлогами посылала Жоржа к отцу, с целью заставить его врасплох, но мало-помалу посылки эти стали повторяться без всяких предлогов, и дело дошло наконец до того, что мать с сыном нередко совершенно серьезно обсуждали сообща какой-нибудь новый план засады, из которой Жоржу можно было бы хорошо рассмотреть, как отец целует и щиплет гувернантку.

Гувернантки у Жоржа менялись очень часто. То сами уходили от преследований генерала, то оставляли дом вследствие ревнивых придирок и дерзостей генеральши. Генерал не давал им спуска. Он как-то выписывал всегда хорошеньких гувернанток и был мастер немедленно становиться с ними на короткую ногу. Та же история бывала и с няньками.

Сангвиник по характеру, генеральша быстро отдавалась впечатлениям. Точно ребенок, она удивительно скоро переходила от гнева к ласке, от слез к смеху. Часто, слушая отчет Жорженьки о том, как папенька в коридоре “обнимал и щипал” новую “няню Дашу”, мать хохотала до слез, заставляя Жорженьку повторять рассказ о похождениях “старого развратника”, как она всегда за глаза называла своего мужа. Жорж повторял и подчас присочинял подробности, мелькавшие в его воображении... Благодаря этим беседам с матерью, инстинкты мальчика просыпались ранее времени, и Жорж уже подолгу льнул к губам знакомых дам, целовавших “пре-

лестного малютку”, и краска, являвшаяся при этом на его круглые щеки, не была краской стыда.

II

Отец нередко давал Жоржу пощечины, дирал за уши и, случалось, секал. Но причины наказаний были до того разнообразны, что разобраться в них и выискать какую бы то ни было руководящую идею было совершенно невозможно. Иногда мальчика наказывали за разорванный воротник рубашки, иногда проходил даром раскроенный лоб дворового мальчишки. Раз высекли за то, что он солгал, другой раз простили за то, что украл какую-то безделку у своей тетки. Генерал особенно не любил, когда разбивали или портили вещи, и за это всегда наказывал.

Жорж выл не столько от боли, сколько от стыда и злости, и искал случая поймать отца в его шаловливых похождениях. Он ласково упрашивал Каролину Карловну, свою молоденькую гувернантку, идти с ним после обеда, в шесть часов, гулять в большой сад сзади дома и, отпросившись в оранжерею, оставлял гувернантку одну на скамейке в тени аллеи за книгой и убегал назад следить за приходом отца. Скоро резкий, отрывистый кашель давал знать, что отец в саду – он всегда гулял в эти часы, – и Жорж, заметив отца, осторожно обегал к тому месту, где сидела Каролина Карловна, забивался в кусты и, притаив дыхание, ждал с нетерпением интимных сцен.

Генерал, заметив блестящее под лучами заходящего

солнца женское платье, шел на него, как мотылек на огонь. Пугливо озираясь, он садился около и начинал какой-то странный, обрывистый разговор. Мальчик напрягал свой острый слух, и до его ушей долетали отрывочные фразы с привычной резкостью казармы, несколько смягченной близостью женщины и процессом ухаживания.

Кровь стучала в виски маленького шпиона. Он ловил обрывки фраз и нетерпеливо ждал обычного перехода от слов к делу.

– Мальчик где? Бегает?

– В оранжерее...

Скверная, торжествующая улыбка скашивала лицо “преlestного мальчика” при этих словах. Он напряженной вытягивал шею.

Опять доносился резкий шепот, раздражавший возбужденные нервы Жоржа.

– Сегодня придете?

– Она... Следит... Мне... Не знаю...

– Милая... приходите!

– Оставьте... Как можно... Заметят...

Генерал обнимал Каролину Карловну и молча, как зверь, целовал ее. Она тихо вырывалась, шептала какие-то неясные слова... Он не слушал ее лепета и, не роняя слова, продолжал молча щекотать подбородок, целовать лицо, шею...

Среди тишины сада до мальчика долетали таинственно заманчивые звуки, усиленное дыхание, какая-то глухая возня.

Он видел все и в то же время ничего не видал. Какой-то туман заволакивал глаза, кровь прилиwała к голове, и он, обливаясь потом от внутреннего волнения, снова напрягал зрение, пожирая глазами туманную картину. Он восхищался, трепетал и злился. Он готов был броситься к отцу и в то же время замирал от страха при мысли, что его заметят. Он на секунду закрывал глаза, чтобы, снова открыв их, полнее насладиться зрелищем. Так пьяница на время оставляет вино, чтобы найти в нем новую прелесть.

Осторожно, задерживая дыхание, как мышь в близком соседстве кота, бережно раздвигая ветви кустов, он отполз назад, поднялся, перевел дух, бегом обежал две аллеи и, с видом шаловливого, невинного мальчика, разлетелся по боковой тропинке со всех ног к скамейке и остановился, как вкопанный, будто испуганный присутствием отца.

Генерал быстро отдернул руку от талии гувернантки, как-то заискивающе, с видом только что высеченного школьника, взглянул на Жоржа и тотчас опустил глаза. Ловким движением руки поправив прическу, гувернантка искоса бросила ласково-боязливый взгляд на мальчика. Щеки ее горели, глаза точно убегали внутрь. Наступили те ужасные секунды невыносимого положения, когда каждый понимает, что другой видел и понял свершившееся, но в то же время каждый делает вид, что он ничего не видал и ничего не знает.

— Где бегал? — резко спросил отец.

— В оранжерее, папенька. Какие там ананасы! — восклик-

нул мальчик с деланным восторгом. — Федор говорит, что к воскресенью поспеют.

— Большие, Жорж? — спросила, в свою очередь, гувернантка, чтобы что-нибудь спросить.

— Огромные... вот такие, Каролина Карловна! — оживленно рассказывал Жорж, радостно глядя на смущенное лицо Каролины Карловны.

— Напомни мне о них, Жорж... напомни! Да!.. — Тут генерал перевел дух, словно в горле поперхнулось. — Да... Ты все просился в цирк! Вот тебе, сходи в цирк, мальчик, сходи! — как-то скоро проговорил отец, вынимая из бисерного кошелька новенький серебряный рубль и брезгливо отдавая его Жоржу.

С этими словами генерал встал, пошел было по аллее, но, сделав несколько нерешительных шагов, вернулся, тронул Жоржа под локоть и сказал:

— В цирк завтра идти можно. Можно!.. Там лошади есть... лошади... Верхом на них ездят... хорошо...

Он выговорил эти слова неестественно, растерянно и, понизив вдруг голос, как бы мимоходом, не глядя на Жоржа, обронил глухим голосом, отходя от сына:

— Да не болтай... Матери вздору не болтай!..

И быстрыми, спорыми солдатскими шагами, звякая по песку подошвами, генерал удалился и скоро скрылся в боковой аллее.

Жорж любовно глядел на блестящий на ладони серебря-

ный рублевик и смутно чувствовал какую-то гадость на душе. Конечно, он завтра пойдет в цирк – в цирке очень весело бывать, – возьмет с собою лакея Федьку, своего любимца, и купит лакомств, а все-таки эта серебряная монета словно прожигала ладонь, и ему хотелось скорей от нее избавиться, разменять ее, что ли, чтобы не видеть ее. И этот растерянный вид отца не доставил ему ожидаемого удовлетворения, а, напротив, кольнул его в сердце, именно кольнул. Несмотря на страх, он все-таки любил отца и теперь любит, но как-то не так, точно в любви оказалась прореха, из-за которой выглядывали школьнически бегавшие глаза отца, и этот блестящий, гадкий рубль, и эти глухие слова: “не болтай!”

“Ах, зачем я все видел!”

Сложный процесс мысли и чувств происходил в мальчике. Чувство раскаяния, боли за отца, чувство стыда охватили теплом его детское сердце. Он как-то приник, швырнул от себя рубль и, тихо повернувшись, в раздумье побрел к скамейке. Когда он поднял глаза и увидел перед собою красивую Каролину Карловну, залитую багровым светом заходящих лучей, он бросился к ней и нервно зарыдал у нее на груди, как бы ища оправдания. Она пригрела его, ласково перебирая его шелковистые кудри, а мальчик тихо всхлипывал, убаюкиваемый ровным дыханием груди и ласковым щекотанием женских пальцев.

– Ты, Жорж, милый мой, не болтай. Не говори маменьке. Я тебя любить буду.

– Нет... нет... не буду... Я ничего не видал! – отвечал, нервно всхлипывая, мальчик.

А в голове пронеслось: “К чему она просит... ах, зачем? Она хорошая и отец хороший... я дурной... я один!”

Но Каролина Карловна вряд ли понимала, что делается с мальчиком. В ответ на его слова она с живостью заметила:

– Да и нечего было видеть. Папаша только подошел и спросил, где ты?

Мальчик привскочил.

“Зачем лжет она? Зачем?”

Он поднял на нее строгие, злые глаза. Она встретила их смеющимся ласковым взглядом и стала целовать его глаза. Жорж прикрыл их, как бы позволяя продолжать, потом отдернулся, затрепетал, как подстреленная птица, порывисто приблизил губы и стал покрывать горячими поцелуями лицо, шею, грудь Каролины Карловны. Она не сопротивлялась, не отшатнулась с ужасом от мальчика, а громко смеялась подзадоривающим смехом.

Когда они вернулись домой, Жорж вспомнил о брошенном рубле и ни слова не сказал матери о бывшей в саду сцене.

III

Четырнадцатилетний отрок вместе с шестидесятилетним отцом разделял благосклонность Каролины.

По какому-то безмолвному уговору между ними, тайна сохранялась со стороны мальчика бережно, и отец был обязан сыну за то, что в это время не было сцен ревности со стороны матери. Понял ли это старик, или это было делом Каролины, но только отец стал как-то мягче относиться к сыну и сквозь пальцы смотрел на его проделки, за которые прежде наказывал.

И мать Жоржа стихла на время, обманутая своим любимцем. На расспросы свои она получала от Жоржа ответы более или менее удовлетворительные и все ждала, что муж положит супружеский гнев на милость.

Занятия Жоржа шли своим чередом. К нему приходили учителя и оставались довольны его успехами; Каролина учила болтать по-французски и по-английски; знакомые дамы по-прежнему его ласкали, но он уже, с испорченностью развращенного мальчишки, иногда так взглядывал им в глаза, что они краснели под взглядом “прелестного малютки”.

Нередко в гостиной, где мальчика показывали гостям и лицемерие которой было уже знакомо Жоржу – при нем ни отец, ни мать не стеснялись бранить тех, кого в гостиной потом особенно ласково принимали, – Жорж убегал через

двор в людскую и нередко проводил часы, наблюдая игру в три листика⁴ и марьяж и слушая с видом опытного барчука двусмысленные сальности кучеров и лакеев. Он нередко сам начинал рассказывать о достоинствах Фионы перед Дашей и раз обмолвился таким выражением, что людская залилась громким смехом. Один только старый кучер Павел как-то строго, удивленно посмотрел своими серьезными серыми глазами на Жоржа и, сожалительно покачивая седой головой, заметил:

– Ай-ай, барчук, и вам не стыдно?

Жорж было сконфузился под взглядом серьезных глаз кучера, но боязнь показаться смешным перед другими лицами, бывшими в людской, заставила его нагло улыбнуться и, с напускным нахальством, ответить:

– А тебе, старому, какое дело? Твое дело за лошадьми смотреть, а не за мной.

Павел только уныло как-то покачал головой и не сказал более ни слова. Лакеи одобрительно хихикали, что молодой барчук знатно отбрил вечно угрюмого Павла.

В доме забывали о Жорже, и только к обеду в людскую вбегала одна из горничных и торопливо звала Жоржа домой.

– Пойдемте, барчук, сейчас же за стол садятся. Скорей, барчук, скорей! – торопила его востроглазая горничная.

Жорж несколько ломался перед ней, желая показать, что

⁴ *Три листика* – название карточной игры; марьяж – термин карточной игры, обозначающий совокупность двух карт – короля и дамы.

он не боится, если и опоздает, и нарочно лениво приподымался с сомнительной кучерской постели, на которой валялся в своей бархатной курточке и валансьенах⁵.

– Да ну же, Егор Николаевич, нечего нежничать... Пойдемте, а то из-за вас мне достанется.

Они схватывались за руки и бегом, с веселым хохотом, бежали через двор.

Жоржа чистили, причесывали волосы, и он входил в столовую с Каролиной, которая чинно вела за руку чистого, милого, благовоспитанного мальчика. За обедом всегда были гости и родные. Генерал жил открыто и ел хорошо. Если он бывал в духе, шел веселый разговор, говорили о новых назначениях по случаю ожидавшейся восточной войны⁶, передавали сплетни, рассказывали двусмысленные истории о местных дамах. Старший брат Жоржа, женатый, красивый полковник, не стесняясь присутствием жены и сестер, бойко рассказывал свои похождения на Кавказе, вызывая некоторыми подробностями веселый смех и улыбку на уста генерала. Каролина стыдливо опускала глаза. Жорж, с наивным видом непонимающего ребенка, вслушивался в оценку достоинств черкешенок. Обед проходил приятно: чувствовалась усыпляющая тяжесть от лакомых блюд и вина. Генерала ничто не рассердило, и, против обыкновения, ни один из лакеев не ждал после обеда собственноручной генеральской рас-

⁵ ...Валансьены – кружева (франц.); здесь: сорочка, отделанная кружевами.

⁶ ...по случаю ожидавшейся восточной войны... – см. прим. к стр. 44.

правы за неисправности, и потому все лакеи были так же веселы, как и господа.

С приездом главного начальника в город С.⁷ дом генерала оживился еще более. Накануне великой драмы, казалось, никто не предвидел будущих развалин. Приезжие из Петербурга штабные офицеры и адъютанты внесли за собой ту прелесть недосказанных слов, улыбок, жестов, которая особенно понравилась замужним сестрам Жоржа и другим дамам. Сам генерал как будто смягчился: стал веселей, внимательней, менее груб и резок и был в восторге от посещений важных лиц. Генеральша хохотала до слез, слушая самые скабрзные анекдоты и прочитывая свежие французские романы, привезенные петербургскими гостями. Сестры Жоржа наряжались и кокетничали; петербургские адъютанты снисходительно ухаживали для развлечения. В большом, густом саду, среди аромата цветов и зелени, часто пили по вечерам чай, и в темных сумерках теплой южной ночи раздавался веселый смех, женские недосказанные обмолвки, полуфразы, нежные намеки и хвастливые возгласы: “мы их шапками закидаем!”

⁷ ...в город С. – Речь идет о Севастополе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.